

Где-то прочитала, что каждую семью в зависимости от приоритетов ее членов можно отнести к строителям, туристам или садоводам. Кто-то любит путешествовать и уезжает всей семьей, порой даже с маленькими детьми, в большие и малые походы. Другие всю жизнь строят, потому что процесс завораживает, а есть садоводы. И нет большей радости, чем вырастить на своих сотках небывалого размера тыкву.

Нас с мужем, видимо, можно отнести к строителям. Не наживы ради строили. Душа рвалась на поиски нового участка земли, чтобы опять с фундамента возвести новый дом, пахнущий строганой древесиной, ощутить то неповторимое наслаждение от созидания, которое называется творчеством. А раз дом, значит сад. Один, второй, третий. Я долго не понимала, почему на каждом осваиваемом участке мы сажали кусты красной смородины. Это было закономерностью и никогда не обсуждалось. Да, витамина С в

ней больше, чем в черной. Так пишут специалисты, но мало кто мог положить в рот больше двух-трех кистей. Раньше хозяйки, выезжавшие на дачи, выжимали из нее сок, добавляли сахарный песок, и при аккуратном помешивании сок превращался в ярко-красное желе. Сегодняшнее изобилие ягод, фруктов, всевозможных соков и конфитюров из них привело к тому, что мода на это дачное лакомство прошла. И все чаще можно увидеть в садах в октябрь-ноябре сморщенные потемневшие ягоды, некогда горевшие рубиновым цветом.

В нашем третьем по счету саду муж опять посадил кусты красной смородины, и на мой категорический отказ делать никем невос-требованное желе произнес: «Ну хорошо, не будем делать желе. Пусть просто растут. Красные гроздья в зеленой листве — это очень красиво!»

Ко всему, что росло на земле, муж относился с настоящим уважением. Я бы сказала, трепет-

но. И к деревьям, и к грибам, и к уродившейся картошке. Надо было видеть, с какой любовью он брал в руки землю, как бережно ее разминал, как покрикивал на меня, если я ненароком цеплялась за расцветающий куст: «Лена, осторожнее, почки», — кричал он. Но к красной смородине у него было особое отношение, которое до поры было непонятно мне.

— Весной поеду в Звягино, попрошу у дяди Коли еще несколько кустов.

— Зачем, Женя? Этим кустам лет-лет и памяти нет. Есть новые сорта, более урожайные. Не стоит сажать то, что растет уже больше шестидесяти лет.

— Ты не понимаешь, такого сорта уже нет и не будет. Дед Прохор сажал кусты еще до войны. У меня прямая связь с этой смородиной. Она в моей жизни была мерилom свободы. Дед говорил: «Вот нарвешь корзинку утром — и ступай с мальчишками бегать».

Денег в семье не было. Как ни старалась крестьянская семья обеспечить себя, а сахар, соль, муку, да кое-какую одежду надо было купить, а много ли купишь на трудодни? Вот и была красная смородина той самой денежной единицей, без которой не обойтись. Поедет дед Прохор в Москву да продаст несколько корзин смородины истосковавшимся по ягоде городским жителям (он говорил не «смородины», а «смороды!»), вот тебе и денежка. А еще смородину сдавали на перерабатывающий завод и получали скромное вознаграждение. Малину в садах не сажали. Ее в лесу было много. Только малина — ягода нежная. Чуть постоит и замокнет. То ли дело смородина. В омшанике¹ и пять, и семь дней стоит, ждет своего часа, а все сухая. Щедрая ягода, кормила всех и была большим подспорьем в жизни. А то, что и дети собирали ее, так то была лепта каждого, посильная часть ответственности в жизни семьи. Только в шестьдесят пятом году стали начислять деду Прохору пенсию в тридцать два рубля, а бабушке Настасье пятнадцать рублей. Ох, как гордились этим старики. «Деньги-то нам домой приносят», — говаривали они, когда гостили у детей в Москве.

Прошли годы, ушло поколение наших дедушек и бабушек, отцов и матерей. Я, как и многие мои подруги, овдовела. Жизнь коротка, а память длиннее.

Каждую весну мы обрезаем разросшиеся кусты, и у меня с сыном происходит следующий диалог.

— Давай выкопаем красную смородину, — говорит сын. — Ее никто не ест, и птички за зиму не склевывают. Только место занимает.

¹ Омшаник — утепленное помещение для зимовки пчел (С. И. Ожегов. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1987).

— Алешенька, пусть растет. Эти кусты посадил твой отец, привез их из деревни Звягино. Где сам он родился, и отец его, и дед, и все Климовы вышли оттуда. А у смородины этой непростая история. Она теперь имеет право жить спокойно, наслаждаясь соками земли русской, и одаривать своими плодами, кисло-сладкими на вкус, как, впрочем, и бывает жизнь.

К тому времени я уже знала историю про куст красной смородины. А рассказал мне ее Петр Прохорович Климов, родной дядя моего мужа. С его слов и записано.

Деревня Звягино располагалась в шестидесяти километрах северо-западнее города Волоколамска, в одиннадцати — от поселка Лотошино, соседствует с деревнями Калицино, Чапаево, Пешки и Кудрино. На карте совсем неприметная маленькая точка в зеленом массиве картографического издания. А в жизни — место родное, ни с чем не сравнимое. Малая родина, где знакомо все: и канава у дороги, и покосившийся забор у соседа, и потемневший от работы и груза лет деревенский колодец.

Немцы вошли в Звягино 13 октября 1941 года, а дом сожгли почти через сорок дней при отступлении 22 декабря. Накануне по деревне проехал легкий танк. А уже на следующий день деревню заняли основательно.

Прохор, глава семейства в семь человек, по возрасту уже не мог быть призван в армию, он свое отслужил как защитник Отечества еще в Первую мировую, попал в плен и почти два года провел в Австрии. А потому был «бывалый». В самом начале войны Прохор сделал запасы. Скота в первое лето войны было очень много. Ели досыта. Прохор зарезал две свиньи, засолил и уложил в кадку, залил

топленным салом и плотно укупировив. Так мясо могло храниться очень долго. Потом он вырыл очень большой куст красной смородины, а было их у Прохора больше тридцати, и в вырытую яму опустил кадку с мясом и большущий сундук с зерном. А потом посадил куст красной смородины обратно, придавив посадку землей и прикрыв дерном. Закопал он в землю еще икону и зеркало, а потом многие годы горевал дед, что не схоронил лампу двадцатилнейную фарфоровую, единственное украшение в избе, которую зажигали только по праздникам, но спасти икону для семьи было куда важнее. Далеко от дома стоял амбар, и до прихода немцев Прохор спрятал там корову, забросав ее сеном. Немцы побоялись отдаляться от жилья, так корова и сохранилась. При наступлении наших к Прохору пришел командир и сказал: «Продай корову. Людей кормить нечем». Деньги в то время ничего не стоили, а сено все сгорело, и кормить животину было уже нечем. Так семья лишилась и коровы.

В деревне до войны было шестьдесят четыре добротных дома. Немцы сожгли шестьдесят. Накануне один из постояльцев подозвал Прохора и жестами объяснил, что завтра дом сожгут.

В тот страшный для деревни день ветер был южный, и постройки, вытянувшиеся с юга на север, были молниеносно охвачены пламенем. Огонь поглощал один дом за другим. Немцы не пользовались спичками, у всех были зажигалки. Они разбивали прикладами винтовок окна, и пламя, подпитанное тягой и керосином от лопнувших ламп, жаром сухих соломенных матрасов, которых в жилищах было с избытком, мгновенно съедало крестьянский скарб, заботливо накопленный людьми годами. Всю семью выгнали во двор. Кое-как оделись. А семья — это

дедушка Григорий, самый старший, отец первой жены Прохора, а брошенный после смерти дочери, а заботливо принятый новой семьей зятя как родной. А еще дети Прохора: беременная дочь Катя двадцати лет, дочь Маруся пятнадцати лет, сын Михаил (мой будущий свекор) восемнадцати лет, не призванный в армию из-за перебитой ноги, сын Петр одиннадцати лет и последний — Николай четырех лет, да мать их, жена Прохора Анастасия. Всего семь душ, ждали восьмого.

Стояли взрослые, к ним жались дети, кто помладше. И никто не плакал! Взять из дома ничего не разрешили. От горящего дома шел такой жар, что снег под ногами растаял. Подошли соседи, у которых дома уже сгорели. Общее горе, общая боль. Я как-то спросила своего свекра Михаила Прохоровича: «Почему же никто не плакал?» Он ответил: «Слезами горю не поможешь. Все были живы, а значит, надо было жить и строить жизнь заново».

Накануне поджога вся семья вымылась. Как перед великим испытанием. Так на Руси заведено. Мылись все в печке. Баня-то была, только в зимнее время в ней никто не мылся. Берегли дрова. В доме тепло, печь, в ней и мылись. А еще дед Прохор на зады огорода заранее отнес тулупы. Да и как проживешь русской зимой без теплой одежды?!

Дом сгорел дотла.

Протопили баню. Да разве ее, заледенелую, протопишь? Постелили солому. Так и улеглись, плотно прижавшись друг к другу до самой двери.

Заплакала бабушка Настя только однажды. Когда немцы, уходя из деревни, забрали у Прохора

лошадь, а взамен привели еле живую клячу.

Из четырех несожженных домов один отдали под медсанбат при наступлении наших для раненых.

Какой же духовной силой надо было обладать, чтобы так достойно перенести испытания!

Дядя Петя, Петр Прохорович Климов, — тот одиннадцатилетний мальчик. А теперь уже пожилой, большой мужчина, проработавший сначала учителем, а потом директором школы всю свою жизнь и рассказывающий мне эту историю, сидя в инвалидном кресле, не стеснялся своих слез. Вновь и вновь он повторял одну и ту же фразу: «Я не понимаю, как могла мать прокормить такую ораву, когда есть было почти нечего?» Почти сорок лет Петр Прохорович учил деревенских ребятшек, а еще был наставником для молодых учителей. И меня потрясло, когда на поминках, после похорон Петра Прохоровича, организованных в школе, нам, родственникам и близким, готовили и подавали блюда не повара и официанты, а учителя школы. Так они отдавали последнюю дань человеку, который пользовался непрерываемым авторитетом, уважением и любовью.

В сорок первом году людей спасала от голодной смерти конина. Убитых лошадей после отступления немцев и наступления наших было немало. А картошку брали у родственников. Когда дом сожгли, Анастасия пошла с детьми в деревню Новолесино, где жили ее родители. Сам дом не пострадал, а вот стекла все были выбиты, и картошка, хранившаяся на террасе, замерзла. Так ее, замерзшую, в тепло и не вносили. Когда Анастасия при-

шла к отцу с матерью, в избе было тепло, и детей разморило. Мать поставила самовар. С детей, уже сонных, сняли одежду. Все были во вшах. А потом мать и дочь долго выжаривали одежду сначала в печи, а потом утюгом (конечно, не электрическим, а с угольками). В марте у Кати появился ребенок. Это был восьмой член семьи Климовых.

Больше всех в ту тяжелую зиму болел Коля четырех лет. От холода, отсутствия полноценного питания голова у ребенка покрылась чирьями, и ходил он в платочке. Снять его могли, только отмочив присохшие болячки. Коля, Николай Прохорович Климов, вырос одаренным и интересным человеком, с художественным вкусом. Он не может жить без своей деревни, без речки. Чуть только пригреет мартовское солнышко, он уже торопится в свое Звягино, ходит на рыбалку, пишет стихи, рисует. Он очень любит построенный отцом во время войны небольшой домишко. И живет он именно в нем, а не в новом, выстроенном детьми современном доме, потому что он верен той жизни, которая выпестовала его и одарила всем, что он имеет.

И только теперь я поняла, постигла суть этой удивительной привязанности и благодарности обычному кусту красной смородины. Сейчас зима, и кусты запорошены снегом. Они отдыхают и ждут. Но придет весна, а потом лето, и заалеют ягоды в нашем саду, и дети, играя и резвясь, сорвут с куста ярко-красные гроздья, радуясь солнцу, свету, даже не подозревая, что самый обычный, неприметный куст смородины стал символом стойкости, силы духа большой русской семьи, много испытавшей, но не сломленной.

Истринский район Подмосковья